

ЭЛЛА ЗЛАТОГОРСКАЯ

ВИРУС СТРАХА

16+

КЛАССИФИКАЦИЯ СМЕРТИ

Элла Златогорская

**Вирус страха, или
Классификация смерти**

«Автор»

2021

Златогорская Э.

Вирус страха, или Классификация смерти / Э. Златогорская —
«Автор», 2021

Это уже третье произведение автора детективных романов из серии «Юная пенсионерка расследует дело». Пожилую женщину Надежду Земцову находят мёртвой. Смерть ненасильственная, но при этом у жертвы связаны ноги и руки. Злоумышленники забрали драгоценности, скрывшись с места преступления. Днями ранее находят убитой ещё одну пожилую даму, Клару Найдёнову — по словам очевидцев, бедную побирающуюся старуху, как оказалось, страдающую шизофренией, состоятельную, но одинокую и несчастную женщину. Убийцы расправились с ней, задушив её... Подозревают Романа, бывшего супруга Лиды — дочери Нади Земцовой. Сама Лида считает, что её однокурсник не способен совершить что-то подобное... Тогда кто?.. И кого выберут следующей жертвой?.. Раскрыть преступления способны только лучшие из лучших — майор Александр Сергеевич и юная пенсионерка Элла Глебовна...

© Златогорская Э., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Элла Златогорская

Вирус страха, или Классификация смерти

Глава 1

Сентябрь. Осень. Одни говорят, что осень – это последняя улыбка лета. Другие – что стареющее лето. А я считаю, что когда идут осенние дожди, – это лето плачет по своему прошлому. Но только не в Морегорске. Здесь сентябрь – это ещё лето, прекрасное, не с таким уже палящим солнцем, но уютным обволакивающим теплом. На пляжах всё меньше детей, только совсем малыши-дошколята плескаются в воде и строят домики из песка. Песочные замки строят и влюблённые парочки. Во всяком случае, на море больше слышен шум прибоя и гвалт чаек, чем крики детей.

Я – Элла Златогорская, юная пенсионерка и начинающий писатель, любопытная тётка и любящая мама двоих сыновей. Я обожаю море, и ещё люблю хорошо поесть, у нас с едой особые отношения: я к ней со всей душой, и она отвечает взаимностью. А главное – я уже целый год живу в Морегорске, где снимаю коттедж и влипаю в разные истории, о которых написала в своих предыдущих книгах («Тени прошлого, или Синхронизация жизни» и «Королева меха, или Сублимация чувств»).

Так вот, именно в сентябре ко мне в гости наконец вырвалась моя любимая подруга Люся. Она больше любит горы, чем море. А в Морегорске у нас есть и то, и другое. Да ещё и совместная поездка в Ялту её соблазнила. Я так красочно описала ей этот курорт, ведь помню этот город моря и любви ещё с советских времён. Свадебное путешествие у нас с мужем было именно в Крым – полуостров моря, солнца, фруктов, счастья, любви, магнолий и вина. Поэтому я и забронировала нам отель в Ялте на три дня. Где-то из глубин моей памяти всплыла чья-то фраза: «Если хочешь начать новую жизнь, нужно поехать туда, где тебе было хорошо». А мне хотелось начать новую счастливую жизнь – уж очень много страшного было в прошлой. Жизнь слишком коротка, чтоб подвергаться меланхолии и грустным воспоминаниям.

Я научилась находить удовольствие в простых и понятных вещах.

А ещё я усвоила твёрдо, что с голодным мужчиной разговаривать нельзя. Потому пригласила полковника, моего соседа и друга, на ужин. Я приготовила ему «пьяное мясо», салат по-домашнему, не пожалев зелени и пахучего подсолнечного масла. У меня были домашние мацони и малосольная сёмга собственного посола. Насчёт спиртного я не парилась: знала, что милый полковник принесёт своего собственноручно изготовленного вина из сорта винограда «Иза белла». Он знает, как я люблю это вино: терпкое, вкусное, натуральное.

Полковник явился весь из себя такой приглаженный, чистенький, благоухал каким-то парфюмом, а главное, в новой футболке. Он – человек военный, и, всю жизнь проведя в форме, вдруг полюбил футболки с разными принтами и надписями, покупал их везде, да и дарили ему, узнав о его увлечении, и он менял их в зависимости от настроения.

– Элочка, солнышко, как давно мы не сидели вместе, не болтали, вино не попивали, – полковник аж покраснел от этих слов (видно, дались они ему нелегко) и стал одним цветом со своей ярко-красной футболкой с надписью «Бравый вояка».

– Проходите, милый полковник, я во дворе накрыла, – я была сама любезность. – Очень рада вас видеть.

– Элочка, я принёс ваше любимое вино.

– Спасибо. Я на это рассчитывала. Как вы загорели!

– Да с внучатами на море целыми днями, – полковник ещё больше зарделся. – Уехали они, а я скучаю. Хоть немного и устал от их шума и крика. Привык один, как бирюк, жить.

– А мои молодые две недели побыли – и обратно. А Глеб в конце сентября приедет только.

– Элочка, угодили, салат сделали такой, как я люблю: и лука много, и зелени, и масло пахучее, – всё нахваливал меня полковник.

– Мне молочница принесла. Я ей говорила как-то, она у своих соседей на хуторе купила. Я сказала, чтоб она и вам принесла, – умаслиwała я полковника. – На следующей неделе будет. Но только для салата.

– И мясо отличное, и гарнир сделали мой любимый. Эллочка, что это вы ко мне так благосклонно?

– Полковник, обижаете, – я сделала вид, что немного рассердилась. – Я всегда к вам со всей душой. А завтра вообще пир закатим.

– С чего это? – полковник даже оторвался от еды. – Дата какая?

– Нет. Не дата. Берите выше, – заинтриговала я полковника. – Подруга приезжает любимая. Я вам рассказывала про неё. Люся. Давно не виделись, жду не дождусь. Потом в Ялту махнём на три дня.

Так, за едой и бутылочкой вина, ведя неспешный разговор, я уговорила полковника съездить на его старенькой «Гранте» в аэропорт и встретить Люсю. Надо отдать должное моему соседу: он сразу и безоговорочно согласился и даже сказал, что срежет розы у себя в палисаднике для моей подруги. Полковник, что уж кривить душой, очень хороший человек, и я знаю, что многие женщины не прочь соединить с ним свою судьбу. Сейчас не так много порядочных мужчин без материальных проблем. Но он ищет женщину, к которой хотел бы прикипеть душой, морально отдыхать. Материальных хищниц он видит издалека и сразу объявляет им, что всё его имущество давно отписано дочери и он гол как сокол, и хищницы тут же разжимали свой оскал и отпускали добычу на волю. «Не приобрета́й дом, приобрета́й соседа», – говорят в народе. Вот мне и повезло: мой сосед, мой дорогой друг – полковник – оказался очень хорошим соседом. Дом я не приобрела, а арендовала с подачи наших общих друзей Золотарёвых, а им в свою очередь подсказал полковник, который в этом посёлке купил дом и наконец перебрался на постоянное место жительства.

Договорившись по поводу завтрашнего дня, я отпустила своего милого друга домой и принялась за дело: подготовила комнату для Люси, сделала заготовки на завтрашний ужин и даже включила телевизор, что я так редко делаю в последнее время, особенно летом.

На следующий день, надев свой любимый льняной сарафан в стиле «кантри», я уже ждала полковника на лавочке у дома. Он лихо подкатил и пригласил меня.

– Девушка, не хотите ли прокатиться со мной?

– С удовольствием, молодой человек, – кокетливо ответила я, – ваша машина блесит, как медный пятак.

– Для вас старался, Эллочка, ну и для подруги вашей, – полковник был сама любезность.

На заднем сиденье лежали роскошные розы, их аромат буквально обволакивал.

Мы с Люсей так долго обнимались и рассматривали друг друга, что полковник не выдержал и сам подошёл к нам и преподнёс моей подруге цветы. Она его искренне поблагодарила. Люся вообще не может фальшивить, и полковник это почувствовал. Несмотря на его браваду и воинственный вид, мой сосед очень чуткий и понимающий человек, и это в нём меня подкупило.

Извинившись перед полковником, Люся – сама любезность – объяснила, что мы должны передать посылочку людям, которую она привезла из Москвы, и сегодня не сможем посидеть дома вечером пообщаться, но завтра обязательно это сделаем. А послезавтра мы уезжали в Ялту.

Дорога к дому друга не бывает длинной.

Уже дома мы всласть наговорились. Обсудили всё, что можно. Поели, и Люся прилегла на часок. Она очень много работает, устаёт и морально, и физически. Как человек ответственный, она делает свою работу всегда на отлично и полностью выкладывается, а если кто-то из её подчинённых работает спустя рукава, её это просто бесит, она пытается объяснить человеку, что нельзя так. Но разве всем вставишь свои мозги? Надо просто стараться не трепать нервы

себе, любить себя, но Люся этого не может. Она любит всех вокруг себя, но только не себя. Эгоистом нужно родиться, моя Люся не такая, мама воспитала её хорошим, порядочным человеком, понимающим и прощающим, что большая редкость в наше время.

Люся уже было собралась связаться с господами Земцовыми, которым предназначалась посылочка из Москвы, как звонок раздался ей самой. Звонила Лидия, которая и передала родителям посылочку, и сказала, что те нас ждут и чтоб мы ни в коем случае не наедались дома, так как папа готовит шашлык. Лидочку я знаю, она сначала работала у Люси в отделе простым специалистом, а потом стала её заместителем. Лидочке 35 лет, и она уже лет десять как работает с Люсей. Моя подруга её высоко ценит как профессионала и как человека, и очень сокрушалась, что Лидочка разошлась с мужем. Они были женаты почти семь лет, вместе учились в институте на одном курсе, но детей так и не родили, муж ей начал изменять, хотя и клялся в вечной любви. Лидочка уверяла всех вокруг, что Ромка – хороший человек, но у них начались трения в отношениях, и уже несколько лет как они не живут вместе. Лидочка бывала с мужем на семейных торжествах у Люси, и я их обоих прекрасно помню. Мне казалось, что они очень гармоничная пара. Родители Лидии хорошо знали Люсю и с нетерпением ждали её. Они купили в Морегорске домик в старой части города лет пять назад, как Лидин папа – Николай Земцов – вышел на пенсию, а три года назад переехали окончательно.

Вот к ним мы и собрались в гости, люди нас ждали. Я взяла бутылочку коньяка и коробку конфет, понимая, что мы там засидимся: просто так, без угощения нас не отпустят, а с пустыми руками в гости не ходят. Я вызвала такси, и мы поехали.

Нас явно ждали. Запах ароматного мяса раздавался уже у ворот, а дым облачком поднимался вверх. Люся обнялась с Надеждой, мамой Лидочки, потом они крепко трясли друг другу руки с Николаем. Люся только собралась представлять меня, как Николай громко сказал:

– Знаем, знаем. И представлять не надо, это Эллочка. Лида нам все уши прожужжала, рассказывая про вас.

– Ой, Люсенька, наконец ты выбралась к Эллочке. Дочь говорит, что вы такие близкие, такие близкие, а уже давно не виделись, – заохала Надежда, мама Лиды.

– Ты знаешь, Надюша, еле недельку урвала. Лиду оставила бдеть, – Люся была на «ты» с родителями Лиды.

Но они были ненамного старше нас, одно с нами поколение. В наших жилах текла кровь Советского Союза, и наше воспитание было оттуда, из СССР.

– Эллочка, милая моя, давайте и мы будем на «ты», – ворковала Надежда. Во всём её облике чувствовалось благородное происхождение. Первое впечатление не бывает обманчивым. Потом, узнав историю жизни Надежды, я поняла, что не ошиблась.

Мы уже сидели за столом под виноградником, грозди свисали и просились в рот. Люся не удержалась и сорвала кисточку.

– Красота, Надюша, красота, – только и успевала восхищаться моя подруга.

– Ой, Люсенька, только закончили ремонт. Домик старенький, сама видишь. То трубы поменяй, то крышу, то одно, то другое. В этот сезон и двор привели в порядок, даже мангал стационарный Коля сделал.

– Слышу, мать, как ты меня хвалишь, – Николай подошёл к нам с шампурами мяса, источающими такой аромат, что невольно слюнки потекли, – настоящая жена. Подай мне блюдо большое, выложу. Сейчас и овощи принесу. А ты, мать, за водочкой сходи, в холодильник положил, и «Нарзанчик» там. Люсины вкусы я знаю. А ты как, Элла?

Ничего, что я на «ты»?

– Я с удовольствием на «ты», очень рада. А с шашлыком, да ещё с таким, только водочку холодненькую и надо пить.

– Наш человек. А, Люся? Подруга твоя – красotka. Жаль, что я женатый, – и подмигнул нам, да так озорно, что я расхохоталась.

– Всё слышу, – Надюша шла с бутылками в руках. – Зачем ты ей нужен, хрыч старый, отвоевался уже. За ней, небось, молодые ухлёстывают. Вот красotka какая.

Я смеялась от души так, что слёзы брызнули из глаз. Я всегда смеюсь до слёз. Какие хорошие люди, позитивные, добрые, хотят мне приятное сделать – комплименты говорят.

Времена меняются, а люди остаются теми же в своих поступках и чувствах, и эти милые Земцовы нисколько не изменились со времён своей молодости – такие же порядочные и благородные, и видно это невооружённым взглядом.

Шашлык был очень вкусным, мясо буквально таяло во рту. И овощи на мангале – чудо как хороши. Я выпросила у Николая рецепт маринада для шашлыка, с удовольствием всё выслушала и даже записала на телефон. Глеб мне когда-то создал такую функцию, как «блокнот», на телефоне, и я туда записываю всё, что мне придёт на ум, или оставляю заметки для моих будущих книг. Думать я предпочитаю на бумаге, есть в этом какая-то магия, как будто сам Господь водит твоей рукой. Но когда под рукой нет листа бумаги и карандаша, то предпочитаю гаджеты.

Хозяева, видя, как гости уминают еду, были очень рады. Я давно заметила, что есть два типа хозяев, принимающих гостей. Первый тип – это те, кто просто счастлив, что гостям нравятся их блюда, и когда стол пустеет после таких прожорливых гостей, они получают истинное удовольствие. А второй тип – это алчные и жадные хозяева, заглядывающие буквально в рот гостям – не дай Бог лишний кусок съедят. Зачем тогда зовут, зачем готовят вкусняшки? Видно, вынужденная мера. Николай и Надежда относились к первому типу и хотели накормить нас, и не потому, что Люся – начальница их дочери, вовсе нет. Просто они были такими по своей натуре.

– Николай, а почему именно в Морегорске купили дом? Мест других много, ещё более красивых, – поинтересовалась я.

– А потому что Морегорск – моя родина малая, я здесь родился и жил до 12 лет, пока отец в кадетское училище не устроил в Москве. Отец у меня фронтовик, орденосец был. Герой. Оба родителя здесь похоронены.

Николай как-то сник, командирский голос стал потише. Необъяснимая штука душа... Никто не знает, где находится, но все знают, как болит.

– На похороны отца я успел, лейтенантом был молодым. Хоронил его город с почестями. Умер в Советском Союзе, вот родина и похоронила своего героя должным образом. А маму не смог похоронить, не успел... Надя с маленькой Лидой в Москве были, они приехали. А я в Средней Азии – волнения там, меня начальство не отпустило, да и вылететь никакой возможности не было. Вот такая новая Россия не дала сыну мать проводить. Время было суматошное. Середина 90-х. Выпьём, девочки. Помянем наших родителей, – Николай разлил нам по рюмашкам водки, и мы молча выпили.

– А родительский дом как же? Продали, что ли? – я прекрасно понимала, что веду себя бестактно и слишком любопытна, но ничего не могла с собой поделать – мне очень интересны личные истории каждого человека.

– Дом сестра Колина продала, уже позже, через несколько лет, – ответила Надя вместо мужа. – Она мать дохаживала, и Коля не претендовал на дом. Оставил ей, сестре своей. А когда её дочь с семьёй собралась в Германию эмигрировать, она и продала дом. Коля ругался, кричал, мол, хоть в Зимбабве, но только не в Германию к фашистам. А что Таня, сестра Коли, поделает, если дочка с мужем едет?... Продала дом и отдала дочке деньги. А сама уехала, когда внук у неё там родился, помочь дочери, да и осталась там.

– Ладно, Коля, – Люся повернулась к мужчине, – им там хорошо, и слава Богу. Сколько народа нашего уехала в Германию. Мир изменился, и немцы изменились. Надо простить им злодеяния их отцов и дедов. Не загоняй себя в рамки условностей, Коля. Жизнь многогранна. Я понимаю, что генетическая память существует и она есть у нас у всех, чьи отцы и деды

воевали. Но пойми и ты свою сестру, она поехала к дочери, а та искала лучшей жизни, может, в Германии и нашла.

Люся у нас известный миротворец, она хочет всех примирить, не терпит конфликтных ситуаций, сглаживает все острые углы – настоящий последователь Льва Николаевича Толстого. «Непротивление злу насилием» – это её девиз. Люся умеет слушать человека, а это редкое качество. Я вовсе не такая.

– А почему вам дом родительский не продали? – я обратилась непосредственно к Николаю. – Вы, наверное, хотели его купить?

– Догадлива ты, Эллочка, догадлива. Вот именно, что отцовский дом хотел купить. Он стоит в таком прекрасном месте, на высоком берегу. Выйдешь во двор, глянешь – и море видишь, вокруг себя крутанёшь – а вон они и горы. Красота. Домик старенький был, саманный, но двор огромный, сад, огород. Родители встретились после войны. Отец вернулся героем, а мать – красавица. Влюбились, женились, нас родили, дом потихоньку строили. Жизнь налаживалась. А сестра родительский дом продала богатым нуворишам. Они деньги за землю платили, им ни дом, ни сад не нужны были. Все переломали. Громадный дворец отстроили, а живут три человека, и то не круглый год. Деньги некуда девать, – Коля, даже не предлагая нам, опрокинул ещё стопочку. Надя на него тревожно взглянула.

– Чего смотришь, мать? – Коля ухмыльнулся. – Диабетикам водку можно.

– Можно, можно, – подтвердила я. – Я ведь тоже диабетик. Мы с тобой братья по несчастью, – я призадумалась, – или сёстры. Точно не знаю, как сказать, Коля...

– Скажи лучше, что мы люди среднего пола. «Оно». Гендерная политика какая-то сейчас в Европе – ни тебе мужиков, ни баб. Все одинаковые. Твою ж мать! Что они там себе придумывают?! Не дай Бог к нам дойдёт.

– К нам не дойдёт – вы, мужики наши, не позволите.

Вы ведь у нас главные, и всё, – успокоила я Николая.

И все дружно рассмеялись.

Посылочку передали, поели, попили. Миссию свою выполнили. Люся обещала зайти к ним после Ялты и тоже забрать передачку, но я стала возражать и пригласила их в гости сразу после нашего приезда, заодно и полковника угостим. Люсе он понравился. Она ценит в людях человеческие качества, а не внешние данные. Люся очень проницательна и мудра, она говорит, что работа с пенсионерами научила её терпению. Как-никак больше 25 лет в Пенсионном фонде работает и общается со стариками. Я бы с ума сошла...

Глава 2

На следующее утро мы уезжали в Ялту. Провожал нас мой неизменный друг – полковник. Я на всякий случай передала ему ключи от

дома, и мы отправились навстречу радости и блаженству. Я так стремилась в Ялту, как разлучённые влюблённые друг к другу. В моих воспоминаниях это самый лучший город на Земле. Там мы провели свой медовый месяц с мужем. Снимали комнату у приятной женщины. Тогда она мне казалась старушкой, а сейчас понимаю, что она была моей теперешней ровесницей – только-только вышла на пенсию. Тётя Люба пожалела нас, молодых и беспечных, приехавших наобум, и отдала комнату внучки в доме. Остальные постояльцы жили во флигеле во дворе и ещё в какой-то пристройке. Приехали мы в конце августа сразу после свадьбы и остались на две недели. Наш медовый месяц продлился целых 15 дней. Потом мы с мужем часто вспоминали это счастливое время. Где только мы ни были с ним, что только ни повидали, но слаще тех дней не было в моей жизни. Тогда ведь ни Букинга, ни Авито – забронировать жильё нельзя было. А мы с дорожной сумкой в Сашиной руке и сумочкой в моей ходили по улицам и спрашивали комнатку для молодожёнов. Решили, что в случае чего переночуем на пляже – таких молодых и беспечных было много в то время. Вот тётя Люба нас и приняла. Она была украинка, по говору было видно и по рубашке-вышиванке, муж – грек, тоже в вышиванке. Очень колоритная пара. Нас пустили на постой, кормили как на убой, советы давали, фруктами, ягодами бесплатно угощали. Дети их жили в Киеве, иногда на лето приезжали или внуков подкидывали. Тёте Любиному мужу было скучно, и он учил нас жизни, а мы, воспитанные в кавказских традициях, молча выслушивали его.

Всё это я рассказывала Люсе, пока мы ехали.

Ялта нас встретила ярким, брызжущим в глаза солнцем, шумом улицы и дурманящим запахом цветов. Хотя мы и приехали днём, но той изнуряющей жары, которая иногда бывает на побережье Чёрного моря в сентябре, не было. В Ялте в свои права вступил изысканный и благородный бархатный сезон. Бархатных нарядов своих мы не привезли, но красивые платья прихватили. Будем гулять, на людей смотреть, себя показывать. Наш отель находился на набережной. Дорогой отель, но мы решили себя побаловать на старости лет. А то всё детям. Можно хоть три дня почувствовать себя королевами. Рядом с нашим было много других таких же фешенебельных отелей, но мне запомнилась «Вилла София» – отель известной певицы Софии Ротару. Наш номер был большой, с двумя спальнями и холлом, великолепной ванной, а главное – вид на море. Громаднейший балкон, на котором можно было в футбол играть, выходил на море. На балконе стояла ротанговая мебель, цветы в кадках. Красота! Мы радовались как дети. У отеля был собственный пляж – всё-таки это спа-отель. Мы сразу записались на несколько приятных и полезных процедур. Вечером, разрядившись, решили совершить вечерний моцион. Люся капризничала:

– Элла, в отеле так классно, даже выходить неохота. Ты не устала? Куда собралась?

– Ну Люсенька, пойдём посмотрим тут кое-что. Я хочу походить, повспоминать.

– Ясно, – Люся обречённо стала собираться. – По местам боевой славы.

– Да, ты права. А потом там же и поужинаем. Идёт? – уговаривала я подругу.

– Идёт. Куда мне деваться? Только чур не расстраиваться. Ты, когда начинаешь Сашу вспоминать, то у тебя то давление поднимается, то сахар, – поучала меня подруга. Люся на несколько лет младше меня, а ведёт себя со мной как старшая сестра: бережёт, беспокоится о здоровье.

И, признаюсь, мне это приятно.

И я повела Люсю по памятным для меня местам. В городе произошло не так много глобальных перемен. Набережная изменилась в лучшую сторону. Она, как и прежде, обрамлена

пальмами и платанами и заполнена чередой баров, кафе, ресторанов и аттракционов. Разнообразные стили переплелись в архитектуре главной прогулочной улицы Ялты. Немного погуляв по набережной, сфотографировавшись у пятисотлетнего платана, я решила найти свой фонтан (так его я называю), на бортике которого мы с Сашей сидели и обнимались. И я нашла его. Фонтан оказался на месте, но уже был совсем старьй, весь в морщинах времени, но живой, журчащий, пахнувший. Я присела на его бортик и призадумалась. Люся не стала меня тревожить, села на лавочку и стала копаться в телефоне. Я сидела и размышляла о том, что жизнь иногда с нами проделывает такие виражи, что даже моему богатому воображению невозможно представить. Когда-то мы мечтали с мужем приехать сюда на нашу серебряную свадьбу и провести новый медовый месяц. Но жизнь распорядилась по-своему: до серебряной свадьбы мой муж не дожил. И вот через тридцать лет я приехала сюда с подругой, которая как никто понимает меня.

Но голод не тётка, и я предложила Люсе сходить на поздний ужин в ресторан «Корвет» – излюбленное место гостей Ялты. Ресторан представляет по форме античное судно и располагается над водой. Заведение оказалось заполненным, и мест не было, но после того, как я сказала администратору, что мы, две деловые женщины из столицы, хотим покутить, нам поставили столик на террасе, откуда был обалденный вид на бухту. Официант быстро накрыл столик, положил перед нами меню и как штык стоял, ожидая наших распоряжений. В меню мы даже не стали заглядывать. Люся начала издадека:

– Молодой человек, какой вы симпатичный. Эх, где мои семнадцать лет...

– На Большой Каретной, – хихикнула я.

– Красавчик, – не обращая на меня внимания, продолжала Люся, – бутылочку прозрачной, как слеза младенца, холодной, как горный ручей, водки – это раз. И холодного «Боржоми». Есть?

– Есть всё. А какой водки?

– Хорошей. И большую сковородку свежайшей разнообразной вашей рыбки. Да, и, конечно, ассорти солений к водочке, – Люся была неповторима.

– Я бы заказала салаты именно с ялтинским луком, – вступила в игру я. – На ваш вкус, Юрий, – я прочла его имя на бейджике, – есть что-нибудь хорошее?

– Есть, конечно, – Юра аж возмутился. – У нас всё есть, наш ресторан самый лучший в Крыму, а не только в Ялте.

– Я и не сомневаюсь, потому мы и пришли сюда, – поддержала я парня, – принесите два салата с этим обожаемым мною луком, разного вида. И хлеб, конечно, ваш фирменный. И мидии черноморские фирменные, только в вине белом.

– Что-нибудь ещё? – Юра наготове держал блокнотик.

– Нет, Юрочка, – Люся запомнила его имя, – пока всё.

Потом видно будет. Несите воду, и водку, и соленья.

Юра рванул так быстро, что мы рассмеялись.

– Надо парню дать хорошие чаевые, – Люся всё ещё улыбалась.

Мы пировали, кайфовали, танцевали, смеялись до слёз. Вспоминали свои разные проделки, потом снова выходили на танцпол выкаблучиваться – в общем, девок, то есть нас, понесло. Два нетрезвых мужчинки подкатывали к нам, а мы от этого ещё больше веселились. Танцевали с ними какой-то разухабистый танец – смесь гопака с твистом или рок-н-ролла с кадрилию. Мужчинки рассчитывали на продолжение знакомства, но мы распрощались и честно им сказали, что не получится, пусть ищут себе других дам. Потом я с подругой долго вспоминала этот вечер в прекрасном ресторане «Корвет».

Отель наш находился тут же, на набережной, благо идти недалеко. Вернувшись в отель, мы тут же завалились спать. Утром нас разбудила администратор, она обратилась к Люсе:

– Вы просили сказать, когда будет хорошая экскурсия в Ливадию?

– Да, – Люся почти проснулась, – мы хотим съездить посмотреть Ливадийский дворец и округу, только не на целый день. Ну, конечно, вы сами понимаете, что, учитывая наш возраст, чтоб всё было комфортно.

– Вот потому я к вам и пришла, – девушка-администратор была очень милой и корректной. – Возраст ваш молодой. Вы не похожи на взрослых тёток – вполне современные девушки.

– Спасибо, милая, – не удержалась я и крикнула со своей спальни, – это суперкомплимент.

Люся хихикнула.

– Так вот, – невозмутимо продолжала девушка, – очень комфортный микроавтобус на 10 пассажиров с нашим самым одарённым гидом выезжает через пару часов в Ливадию. И там проведёте максимум часа два. На экскурсию едут только гости нашего отеля. Уверяю, вам очень понравится. Записывать вас?

– Я думаю, да. Элла, поедет? – крикнула Люся мне.

– Конечно, едем.

– В таком случае оденьтесь удобно. Ровно через два часа вас будет ждать в холле экскурсовод. А сейчас вы можете пойти позавтракать, всё это включено в услуги отеля. Ресторан на втором этаже. У нас замечательные завтраки с учётом вкусов наших гостей.

– Девушка, деньги за экскурсию вам? – Люся всегда точна в денежных вопросах и не любит оставаться в долгу ни перед кем.

– Нет. Экскурсоводу. Я просто хотела сделать вам приятное.

– Спасибо, Дашенька, – Люся наконец увидела её имя на бейджике.

А я пошла в ванную. День начинался хорошо. Эта милая девушка, приятная и учтивая, сделала наш день. Говорят, что счастье надо приносить в этот мир разумно. Сегодня эта девушка принесла небольшую порцию счастья просто своим существованием, своей заботой, своей рассудительностью. Может быть, это её работа – делать гостей отеля счастливыми, но случайно услышав наш разговор с Люсей о том, что мы хотим поехать в Ливадию, она не забыла это, а пришла и предложила нам эту экскурсию. Осчастливила нас, скажем так.

Ливадия встретила нас солнцем и ароматом экзотических деревьев и цветов. Ливадийский дворец – одна из самых ярких жемчужин Крыма. Роскошная летняя царская резиденция оставила неизгладимое впечатление. Экскурсовод и в самом деле оказалась очень замечательной, рассказывала интересно, захватываяще. Мы прогулялись и по Царской тропе, и сфотографировались у памятника монстрам большой политики. Памятник Великой Тройке очень величественный, большой, как они сами. Я хотела было взобраться на колени к отцу всех времён и народов товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину, но уж очень скользко там было и высоко – просто притулилась и постояла. Я Люся же благоволила Черчиллю, прислонилась к нему, призадумалась.

В отель мы приехали возбуждённые, полные впечатлений. И даже самое синее Чёрное море не остудило наш пыл. Решили на следующий день съездить на фрегате «Херсонес» к «Ласточкиному гнезду». Фрегат – настоящее учебное парусное судно, проще – парусник с юными моряками на борту, которые под руководством своих наставников учатся морскому делу.

Милая администратор отеля Дашенька узнала для нас, что парусник будет завтра совершать экскурсию в Гаспру к «Ласточкиному гнезду», что бывает нечасто, и даже забронировала нам места, за что мы были премного ей благодарны, что Люся искренне ей и высказала. У моей подруги есть очень хорошая черта: она благодарный человек, и может от души поблагодарить человека независимо от ранга и статуса. Да так это сделать, что человек почувствует себя счастливчиком.

На парусник я ступила с трепетом. Мечта побывать на настоящем фрегате жила ещё с тех пор, как увидела фильм «Алые паруса» с гениальными актёрами Анастасией Вертинской и

Василием Лановым. Всю юность свою мечтала встретить капитана Грея. Этот величественный парусник так и притягивал меня, и оказаться на его палубе, прокатиться на нём было для меня невероятным счастьем.

– А может, ты сейчас встретишь своего Грея? – проронила Люся.

Подруга меня не подкалывала, она совершенно искренне желала мне этого. У неё есть сердечный друг, хороший и добрый человек, который уже очень много лет ухаживал за ней, и наконец она дала ему отмашку на возобновление серьёзных отношений. Люся очень хотела, чтоб и у меня появился друг, близкий мне по духу. Грея я не встретила на фрегате, да и на экскурсии тоже. Все Греи моего возраста были со своими Ассоями, а одинокий Грей, видимо, уплыл на своих «Алых парусах».

От пристани подниматься к «Ласточкиному гнезду» было крайне тяжело. Подъём был крутой, хоть лестницы и были отреставрированы, мы с трудом их одолели. Но это того стоило. Перед нами открылась непередаваемая панорама моря. Сверху с Аврориной скалы, с высоты 40 метров, смотреть на любимое море – это блаженство для меня и улада для моих глаз. Замок «Ласточкино гнездо» – эмблема Крыма. Он расположен на самом краю скалы, и оттуда открываются шикарные виды. Замок имеет интересную историю, и экскурсовод захватывающе всё нам рассказала. Назад в Ялту мы поехали на автобусе. Каждая из нас осталась довольна проведённым временем. Так хорошо мы давно вдвоём не отдыхали. Три дня в Ялте пролетели быстро и незаметно. По дороге в Морегорск мы делились впечатлениями, шутили, смеялись. Люся расстроилась, что смогла вырваться только на недельку. Ещё пару дней в Морегорске, и ей нужно улетать. Мне было грустно.

– Ты чего это, мать, грустная такая? Ещё почти два дня я с тобой в Морегорске, – Люся хотела поддержать меня: она видела, как скучаю по Москве, по детям. – Я укачу, и Глеб приедет к тебе. Или давай домой, в Москву.

– Как мы там все вместе жить будем? Квартира маленькая, сама понимаешь, – пыталась я оправдать своё проживание вдали от дома.

– Пусть молодые снимают жильё, в конце концов, – подруга опять решила вернуться к нашему вечному спору: она очень хотела, чтоб я вернулась в Москву. – Здесь же они тебе снимают.

– Так-то оно так. Но здесь снимают этот коттедж на круглый год по цене однушки в Москве у чёрта на куличках, да и мне нравится этот тёплый климат, море. Я же южанка. Надоела мне Москва с её сыростью и морозами. Я на Новый год приеду. Снохе рожать в декабре, вот перед родами приеду и останусь.

– Я буду очень тебя ждать, – Люся тоже что-то приуныла.

Развеселил нас полковник. Его красная футболка была видна издали. Я ему из такси в Морегорске позвонила. Он был опять галантен, обнял, понёс наши сумки, передал мне ключи и уже собрался уходить, но я его остановила и пригласила официально на завтрашний ужин – будем Люсю провожать, а то так и не отметили её приезд, не успели, вот, значит, отметим отъезд. Посмеялись, пошутили. Я сообщила, что будет ещё пара, товарищи Земцовы – бывшие москвичи, а теперь морегорчане.

– Как мы совсем, – улыбнулся полковник.

– Вам они понравятся, полковник, я уверена.

– Спасибо, Эллочка, за приглашение, я завтра буду обязательно, – и тактичный полковник откланялся.

Как только за ним закрылась дверь, Люся стала на меня наезжать:

– Хороший же мужик, Элка! Сразу видно, что порядочный, и с душой к тебе, а ты нос воротить. Или забыла, сколько тебе лет? А? Так в паспорт загляни. Пенсионерка уже. Если он захочет, то любую молодуху отхватит. Поверь мне, сейчас мужики на весь золота. У нас страна одиноких баб. Что тебе ещё надо? Скажи мне. Вовремя замуж не вышла: «не могу, детей надо

поднимать, чужой мужик в доме, как к мальчикам относится будет» – свои слова помнишь? Самую свою бабулю пору одна прокуковала. А что дети? Тем более мальчики. Женятся – и своя семья уже. Не упусти этого полковника. Потом жалеть будешь.

Я смотрела на Люсю округлившимися рыбьими глазами. Такой монолог выдала... Она молчун по своей натуре, может выслушать человека и слова не произнести. Она умеет слушать. А тут целую тираду произнесла.

– Люсь, я знаю, что он мужик хороший. Но химия, бабочки в животе и всё такое, – мямлила я.

– Какие бабочки, Элла?! Какая химия?! Он тебе подопытная крыса, что ли? Химию захотела и бабочек. Ты что, на уроке биологии в школе? Совсем на старости лет свихнулась. Это для молодых все эти крылатые насекомые, а нам нужен надёжный мужик.

– Но твой тебе же понравился?

– Да, понравился. Только через сколько лет, вспомни. И никакой химии, пока не поняла, что он ради меня на многое пойдёт и руку помощи протянет в трудную минуту. Помнишь или забыла, как он мне помог? Только потом согласилась, – Люся аж присела на кухне, так и не дошла до ванной.

А мои глаза вдруг наполнились слезами, как переполненная чаша с водой под солнцем, вот-вот должна вода вытечь, но солнышко не даёт. Так и я: глаза полные, а слёзы не текут.

– Эллка, ты чё, не плачь, пожалуйста. Я за тебя переживаю. Вот доля у нас такая, у женщин, даже у таких якобы сильных, как мы. Не можем мы казаться слабыми, привыкли всё на себе таскать. А ты подумай, подумай, – Люся чмокнула меня в щёку и побежала в ванную смыть дорожную пыль.

– Я быстро, – кричала она уже из ванной. – Потом ты.

– Хорошо, я сейчас что-нибудь сварганю нам перекусить.

Я подошла к холодильнику и тут вспомнила одну историю из моей жизни, которая напомнила мне сегодняшний разговор с Люсей.

Иногда женщинам нестерпимо хочется узнать о своей судьбе, и вот когда-то, когда я ещё была молоденькой, я пошла к гадалке со своей двоюродной сестрой. Она была на грани развода с мужем, у неё рос маленький сын, и она оказалась на распутье, жить ли ей дальше с таким бабником и терпеть унижения или развестись. Вот поэтому сестра решила поехать к гадалке. Про эту гадалку она узнала благодаря сарафанному радио: кто-то кому-то передал и посоветовал поехать. Сестра взяла меня с собой, так как одна боялась ехать (на тот момент ей было всего-то 28 лет), при этом я ей дала слово, что никому ничего не скажу. Я хотела помочь сестре, да и самой было жутко интересно, ведь я никогда не была у гадалок. Так вот, мы поехали первой утренней электричкой, я осталась ночевать у сестры в ту ночь. Гадалка жила за городом. Дом мы её нашли быстро. Я была поражена. В то время такие дома были редкостью. По моим представлениям в таких хоромах живут звёзды мирового уровня. Двухэтажный, с мансардой, двор благоустроенный, с клумбами, розариями и японскими горками, даже фонтанчик небольшой был. Я была изумлена, когда увидела, сколько женщин сидели на лавках, и очередь ещё тянулась со двора в дом. Такое количество жаждущих узнать о своей будущей жизни меня просто поразило. Женщины были разного возраста, от старушек до молоденьких 16-летних девочек типа меня. Но больше всего я удивилась, что среди такого количества посетителей было несколько мужчин, преимущественно молодых. Сестра заняла очередь и влилась в разговор с жаждущими узнать свою судьбу барышнями. Я молчала, как и положено младшей сестре, но впитывала каждое слово. Уже в прихожей очередь раздваивалась: длинная цепочка тянулась в небольшую спальню, где принимала сама старая гадалка, о которой и шли слухи как о ясно-видящей и говорящей правду, а другая вереница состояла из мужчины и парочки девчонок, которые решили не ждать так долго, а пойти к другой – молоденькой снохе старой гадалки. Так как мне строго-настрого запретили обращаться к гадалке, я просто стояла рядом с сестрой. Та

очень нервничала, и я её успокаивала. Через какое-то время открылась дверь одной из комнат и вышла очень красивая молодая девушка, модно одетая.

– Ко мне никого нет? Все хотят к маме? – и вдруг её взор остановился на мне. – Ты тоже?

– Нет. Она вообще не будет гадать, – ответила за меня сестра. – Она ещё молодая, ей замуж рано.

– Разве гадают только на замужество? – молодая гадалка с удивлением посмотрела на сестру.

– Ну, в основном, – сестра смутилась.

– Идём, девочка, со мной. Как тебя зовут? – спросила у меня молодая гадалка.

– Элла, – и я замолчала.

– А меня Тереза, – представилась она. Так я запомнила её имя и через два десятка лет нашла её по наитию и имени. – Пойдём, – сказала Тереза, – не бойся.

Сестра полезла в кошелёк, чтоб дать мне денег. Тереза помахала руками, мол, не надо. И я последовала с ней. Мы зашли в очень-очень большую комнату, роскошно, поцарски обставленную. Дорогая мебель, в шкафах дорогая посуда, ковры ручной работы – глаза разбегались. Тереза была старше меня лет на пять, не больше. Очень приятная девушка, и одета современно. Она села в одно из кресел в дальнем углу комнаты, мне предложила другое, между нами стоял журнальный столик, на нём было несколько колод разных карт. Вошла женщина, по всей видимости, прислуга, и поставила перед нами две чашки с кофе.

– Не смотри на меня так, Элла, – Тереза улыбнулась, – я не цыганка, я – сербиянка, и мой муж тоже. А дом такой богатый, потому что мой свёкор работает в очень хорошем месте, и муж после института пошёл туда работать. А я медучилище закончила, фельдшер. Но не работала, замуж вышла, ребёнка родила.

– Понятно. Я и не собиралась гадать. Это сестра двоюродная к вашей свекрови пришла. У неё проблемы, а меня она за компанию взяла, – лепетала я. – Зачем вы меня позвали?

– Пей кофе, Элла. И я с тобой за компанию выпью. Добро делать проще, чем кажется, девочка моя. Я хочу карты разложить на тебя, предостеречь от многих будущих ошибок. Их мы все совершаем, но ведь можно же и избежать иногда.

– Мне всего шестнадцать лет, я школу заканчиваю в этом году. Мне в институт надо поступать, я замуж не собираюсь, – возражала я и глоточками пила ароматный кофе.

– А ты думаешь, к моей свекрови приходят смотреть только на мужчин? У людей много других проблем.

– Нет. Я так не думаю.

Тереза разложила сразу три колоды карт. Я изумлённо смотрела на них. Одну колоду карт я прекрасно знала – это наши карты, которыми мы играли в «дурака».

– Что так смотришь? – Тереза улыбнулась. – Что, карты незнакомые?

Я кивнула.

– Вот эти – карты Таро, а эти – индийские руны, – Тереза посмотрела мне прямо в глаза, взяла из моей руки чашку с кофе, взглянула и опрокинула на блюдечко. – Гадать я могу, научилась от свекрови. Да-да, этому учатся, – ответила она на мой удивлённый взгляд. – А вот лечить, как она, не умею. В куче навоза, моя милая, редко найдёшь жемчужное зерно. В институт поступишь сама, но не связывайся с компанией плохой, тебе они будут казаться элитой общества, а они просто навоз. Ты меня поняла? Слушай, что я говорю внимательно. Терпения тебе не хватает, терпения наберись. От любой беды спасает два лекарства: молитва и терпение.

– Тереза, вы меня пугаете... Какая беда?

– Никакой беды, девочка моя. Это я тебе на будущее говорю. Не пугайся. Любовь всей своей жизни встретишь, Сашкой его будут звать. Парень будет бедный, но честный.

Замуж за него выходи обязательно. Хорошо жить будешь.

– Спасибо, Тереза большое. Я запомню ваши слова.

Тереза заглянула в чашечку с кофе. Внимательно вглядывалась, заставила большим пальцем дно потереть.

– Ну вот, моя девочка, – Тереза что-то там углядела в кофейной гуще, – всё у тебя будет прекрасно, как ты хочешь, только слушай своё сердце, только себя. В крайнем случае обращай к Богу, прямо к нему, не ищи посредников между собой и Богом, поговори с ним, в любом месте можешь говорить, для этого в храм идти не надо. И Бог тебе подскажет.

Вспоминала я слова этой девушки, сербиянки Терезы, часто. Как только я просила у Бога совета, то сразу находила ответ на свой вопрос, он мне подсказывал, надо было просто уметь понять эту подсказку.

И сейчас я вспомнила слова гадалки: «Слушай своё сердце, моя девочка!» А сердце моё молчало, когда я видела полковника, – только дружеские отношения питала я к нему, а без любви к мужчине я никогда не смогу с ним жить. Притворяться я не могу, да и ни к чему это. Полковник – очень хороший человек, зачем обманывать и себя, и его.

Вечером мы с Люсей пошли шататься по городу. Подруга делала покупки внучатам. Я тоже кое-что приобрела для снохи, чтоб Люся передала. Болтали, веселились, и никто нам не был нужен. Все меняются в лучшую сторону после путешествий и полученных впечатлений, и мы как будто стали веселее и добрее. Общие воспоминания очень сближают людей.

Был такой прекрасный вечер. С балкона второго этажа море не видно ночью, оно слилось с небом – только слышна тихая музыка волн и ярко светят звёзды. Мы пили домашнее вино полковника. Без преувеличения оно было очень вкусным, а послевкусие оставалось таким чарующим, что хотелось ещё глоточка.

– Люся, я закурю.

Люся не переносила курильщиков, а меня ругала на чём свет стоит.

– Элка, ты же бросила, ты же сама сказала! – возмутилась подруга. – Зачем тебе это надо? Ты же не курыка – просто балуешься, дурака валяешь.

– Поваляю полдурака, – рассмеялась я.

– Как это «полдурака»? – всё ещё сердитая Люся допрашивала меня. Она за здоровый образ жизни, но в меру, не до фанатизма.

– Полсигаретки выкурю, они с ментолом, дымок приятный, – оправдывалась я.

– Да что с тобой поделаешь! – Люся притворно вздохнула.

Утром меня разбудил звонок, а вставать совершенно не хотелось. Я ещё купалась в своих бело-голубых облаках сна.

– Эллочка, доброе утро, – звонил полковник. – Я вас не разбудил?

– Нет, – сонным голосом ответила я и глянула на часы.

Семь часов утра, чего ему не спится?

– Извините, Эллочка, – смущённым голосом оправдывался полковник, – но я иду с рыбалки, наловил целое ведёрко барабульки, хочу вам отдать, у вас же сегодня гости.

– Ой, спасибо, приготовлю по вашему рецепту, – я разом проснулась, – по-солдатски, я помню.

– Тогда, Эллочка, открывайте калитку, я у ваших ворот.

– Бегу, бегу, одну минуту, – я накинула халат, ополоснула лицо и побежала.

Полковник сидел на лавочке у ворот, я тоже присела рядышком.

– Гостя спит? – спросил он.

– Да. Пусть поспит. А то приедет домой, а там работа, дом. Успеет намаяться.

– Тяжело работающим женщинам, – вздохнул полковник. – Я понимаю. Вот вам, Эллочка, смотрите, сколько барабульки я наловил. Сегодня ловилась как никогда. Я в четыре утра пошёл на лиман.

– Всё мне? А вам?

– Так я ж у вас буду вечером. Всё пожарьте, как я вам объяснял. Как семечки будут щёлкать.

– Ой, спасибо. Всё нажарю в огромном количестве масла, туда же картошку и лук целиком, как вы мне и объясняли.

– Да. По-солдатски. Всё в одном котле. А мелкая картошка есть? А лучок? – забеспокоился полковник.

– Я сейчас позвоню этому мужчине-азербайджанцу, который нам овощи-фрукты поставляет, он всё привезёт свеженькое нам.

– Котелок вам принести свой, маленький, походный? – всё переживал заботливый сосед.

– Спасибо, полковник. У меня есть чугунная утятница, глубокая. Она как котелок согдится.

Мы посидели ещё на лавочке, поболтали о погоде и разошлись.

Гости наши пришли вовремя – вот что значит военная закалка. Полковник и Николай Земцов, оба – бывшие военные. Надюша Земцова пришла с огромным пирогом с капустой, он был такой красивый, что не верилось, что это произведение хрупких женственных рук. Мы с Люсей обе замерли от восхищения: таких пирогов мы не готовим, просто не умеем.

– Это меня бабушка научила, – как будто оправдывалась Надюша, – а её – няня, – и засмушалась.

Мужчины быстро нашли общий язык, им было о чём поговорить. А мы накрывали стол. Я сервировала большой стол в парадной гостиной, а Люся всё несла закуски из кухни.

– Надя, отгадай, что мы привезли из Ялты? – Люся хотела удивить Надюшу.

– Неужто лук, Люсенька?

– Как ты догадалась? – подруга засмеялась своим переливчатым смехом.

– Мы с Коленькой были там лет 35 назад, нет, больше, уже 37 лет. В свадебное путешествие ездили, тогда это было модно.

– Ой, Надюша, а я 32 года назад была с мужем, и тоже в свадебном путешествии.

И мы все втроём рассмеялись. Нам было просто хорошо.

– Люся узнала несколько рецептов салатов с ялтинским луком и вот сварила нам. А рано утром полковник барабульки принёс, я нажарила по его рецепту. Надеюсь, что он одобрит, – я улыбнулась.

– Люся, ну зови мужчин, а то остынет всё.

– Люсенька, передашь этот пакет Лидочке? – Надя опять потупила взгляд. – Не хотела тебя утруждать. Если сможешь, конечно. Но я ей пару обновок прикупила, хочу её порадовать чуточку. А на Новый год уже в Москву поедет, встретим все вместе.

– О чём ты говоришь, Надя! Конечно, передам. И Элла на Новый год в Москву поедет. Все вместе встретимся на новогодних праздниках, уже у меня, пообщаемся, – Люся взяла пакет. – Что у тебя здесь булькает, Надя?

– Ой, голова дырявая? – засмеялась Надя. – Что там может булькать? Водка, конечно. Что Коля может положить?

Не вино для дам, это точно.

Надюша вытащила из пакета бутылку с водкой и передала мне.

– Вино домашнее принёс нам полковник, вкусное. Пью как компот, а пьянею как от водки, – стала хвалить я соседа.

Люся пригласила гостей в дом. Мужчины хвалили наши с ней блюда. В природе практически нет плохой пищи, есть только неправильно приготовленная и чрезмерно употребляемая. Все были в восторге от Надюшиного пирога, а полковник аж замер в удивлении, когда его увидел.

– Ну, Николай, повезло тебе с женой. Это же шедевр, ёшкин кот. Красота! Последний раз что-то такое видел, когда ещё моя бабуля была жива.

– И меня моя бабуля научила, – тихо произнесла Надюша. – А дочка не желала учиться кулинарии домашней, так и говорила, и до сих пор говорит. «Не нужна мне ваша доморощенная кулинария, сейчас всё есть в магазинах, некогда время на это тратить».

– Зато, Надя, она прекрасный специалист. Сейчас редко таких встретишь. Умница. Я спокойно оставила на неё громадный отдел и уехала. Уйду на пенсию окончательно – рекомендую её на своё место.

– Спасибо, Люся, на добром слове, – Николай аж закашлялся. – Единственная дочь, очень приятно. Ещё бы внуков нам. Что-то тишина. Уж лет пять как с Ромкой развелась, да так всё одна да одна.

– Не нашла своего, наверное, – изрёк задумчиво полковник. – А иногда бывает так: найдёшь, а она не хочет, всё «милый друг, милый друг».

Я захихикала, а Люся сдержалась.

После третьей рюмочки холодной водки полковник встрепенулся:

– Николай, а сколько лет твоей дочке?

– 35. А что? – Николай глянул на полковника ледяным взглядом. – Она тебе в дочери годится.

– Я-то при чём?! – полковник аж рот раскрыл от неожиданности. – Я про Сашку говорю, нашего майора.

– Точно, полковник! Александру Сергеевичу подойдёт, – я вдруг расцвела. – Какой он золотой человек, хороший парень, а родители какие прекрасные!

– Серёжа – отец Сашки – мой друг, в одной дивизии служили. И парень настоящий.

– Элла, это капитан Золотарёв? – Люся обратилась ко мне.

– Бери выше, он уже майор, и после Нового года его должны перевести в Москву, но местное начальство тянет, не хочет отпускать.

– Элочка, это дело в ваших руках, – полковник явно мне льстил – никакой хватки свахи у меня не было.

– Оба прекрасные ребята – и Золотарёв, и Лидочка, – я её знаю.

Надюша умоляюще на меня посмотрела.

– Надя, Люся, обещаю: переговорим и решим этот вопрос. Пора им обоим обжениться, – и я радостно рассмеялась. Вообще, у меня сегодня был день смеха.

Пирог Надюши никто не решался разрезать. Я принесла холодный компот, и он хорошо пошёл, особенно с этим великолепный пирогом. За дело взялась Надюша. И, вкушая это блаженство, мы слушали её историю жизни, такую же изломанную судьбу её семьи, как и нашей страны. Далее я всё пишу от имени Надежды Земцовой.

Глава 3

Мою бабушку звали Надеждой. Меня назвали в честь неё. Но она была Надеждой Белогорской – это её девичья фамилия, и она её не

меняла никогда, на то у неё были причины. Но расскажу я всё вам по порядку. Вы спрашивали, как у меня такие пироги получаются? Меня научила их готовить моя бабушка, а её в свою очередь научила Няня. Няня с большой буквы, потому что она моей бабушке заменила всех родных. Начну сначала. Произошла революция, в России переворот, сумятица. Семья моей бабушки жила в Москве. Отец её работал чиновником в Министерстве путей сообщения, был очень уважаемым человеком, прекрасно знал всю инфраструктуру железнодорожных путей сообщения, курировал финансирование новых путей. Тогда само министерство находилось в Санкт-Петербурге на набережной Фонтанки, а в Москве был департамент инспекции. Мама моей бабушки – из дворян, она была очень одарённым человеком: писала стихи, играла на фортепиано, знала языки, получила прекрасное воспитание и образование, чему и учила своих дочерей, у них были гувернантки и приходящие педагоги. У родителей бабушкиной мамы была усадьба в Нижегородской области, где на тот момент они и жили. Бабушка Надя помнит, как они ездили из Москвы к своим бабушке и дедушке, туда же приезжал её дядюшка со своей семьёй, как они играли и дурачились со своими двоюродными братьями и сёстрами. В саду у родных чего только ни росло – неимоверное количество ягод и фруктов. Взрослые женщины варили варенье и морсы, делали многочисленные заготовки. На время пребывания в усадьбе их освобождали от всех занятий. Это было самое лучшее время в жизни у бабушки. Она его часто вспоминала и рассказывала мне, вспоминала какие-то мелочи из той дачной жизни, шалости своих братьев и сестёр. Им разрешали играть с деревенской детворой и сажали за один стол, угощали тем же, что ели и барские дети. Бабушкин дед был очень прогрессивных взглядов, даже создал начальную школу для детей крестьян. Старики очень скучали по своим внукам. Одни жили в Москве, другие – в Киеве, а дед с бабушкой проводили круглый год в усадьбе. Эти счастливые дни своего детства бабушка Надя вспоминала с болью в сердце – самые яркие воспоминания о родных людях. И тут грянула революция. Для бабушки это был как гром среди ясного неба. Она была подростком и многого не осознавала.

Вдруг в один из октябрьских дней к ним в московскую квартиру вломились brave революционеры и стали требовать отца. А надо сказать, квартира у них была громадная, что соответствовало рангу чиновника такого уровня, как бабушкин отец, и занимала весь второй этаж старинного дома на Остоженке. С ними в этой квартире жили и няня, и прислуга. Революционеры подняли такой ор, что разбудили весь дом. Младшая сестрёнка стала плакать, средняя подвывала, увидев вооружённых людей, только моя бабушка поняла, кто это. Бабушке на тот момент было уже 13 лет, она была большая барышня, как любил говорить её отец, и присутствовала при разговорах взрослых. У бабушкиной мамы не дрогнул ни один мускул на лице, она держалась стойко. Няня увела младших девочек. Какой-то комиссар в кожаном пальто приказал папе собираться.

– Вы нам нужны. Нам необходима ваша помощь в том, чтобы разобраться в хитросплетениях железнодорожных путей в Закавказье. Нам нужна нефть в Москве и Питере, а она застряла на запасных платформах в Баку. Как можно обойти белогвардейские войска, которые заняли основные железнодорожные станции? Говорят, что есть старые пути?

– Увольте, господа, но я не инженер-железнодорожник. Я только финансовый инспектор. Может быть, вам стоит найти главного инженера?

– Это мы и без вас знаем. Его уже ищут по всему Петрограду и не могут найти. Все специалисты вашего министерства удрали или спрятались. Собирайтесь. А там видно будет.

– Хорошо, – отец понял, что спорить с ними не имеет смысла ради безопасности своей семьи. – Я и не собирался прятаться или убегать.

Вдруг один из солдат обратился к дородной кухарке Зинаиде:

– А вы что здесь делаете? – указал он штыком на её дочь, пугливую девушку Полюшку.

Полюшка вздрогнула и запричитала.

– Мы работаем у них. Я кухарю, слежу за всем. А моя дочь, – Зинаида приобняла Полюшку, – убирается, помогает мне.

– А, прислуживаете буржуйам! Вот рабское отродье! Пусть сами работают, – солдат с ненавистью глянул на мать.

– Они хорошие, нас не обижают, – заплакала Полюшка.

– Хватит на них работать, езжайте к себе. Откуда сами? – солдат устроил им допрос.

В просторном вестибюле квартиры остались бабуля со своей мамой, Зинаида с Полюшкой и солдат. Комиссар ушёл с отцом в кабинет. Видно, поэтому солдат разошёлся, хотел власть свою показать.

– Да мы из Подмоскoвья, из деревни Грязево, что на Истре, – бедная Зинаида покраснела вся. – Чего ты нас гонишь? Работаем и работаем. Нам здесь хорошо.

– К себе езжай, ясно? Эту квартиру советская власть отберёт у этих буржуев. Слишком большая для них. Завтра людей пошлём, им две комнаты оставим, и хватит. Ты поняла, старая? – солдат чуть не проткнул штыком толстый живот Зинаиды.

Мама бабушки стояла молча и держала её за руку. Вышел отец бабушки, одетый в свой мундир чиновника железных дорог, с какой-то папкой в руках, следом за ним комиссар. Отец подошёл к жене и дочери, поцеловал обеих и тихо сказал, и в его голосе была такая беспроглядная грусть:

– Милая, если меня не будет больше трёх дней, собирай детей и езжай к своим родителям. Бери самое необходимое, я вас там найду. Надо было нам раньше уехать отсюда. Не переживай, милая. Береги девочек и нашего будущего малыша.

Бабушка всё это слышала. Комиссар торопил отца.

– Что это вы прощаетесь? Завтра уже будете дома.

Но на следующий день отец не пришёл. Зато после обеда появилась живописная группа во главе с нашим дворником Никодимом.

– Вот они, – Никодим услужливо говорил какому-то мужику в тулупе. – Барыня, вас расселять пришли.

– Как это расселять? – возмутилась бабушкина мама. – Эта квартира подарена моему мужу министерством путей сообщения за его заслуги в деле служения Отечеству, и пока муж не придёт, я не пущу посторонних в свою квартиру.

– Товарищ барыня, помолчите, пока я вас отсюда совсем не выгнал, – и мужик в тулупе бесцеремонно оттолкнул мать. Она чуть пошатнулась, няня подхватила её. – Вам положены две комнаты, выбирайте, пока я добрый. А то десять комнат у них, буржуи недорезанные.

– Здесь есть и моя комната, и я буду здесь жить, – заговорила няня. – Я ведь не барыня, я обслуга.

Мать взглянула на няню недоумённым взглядом. Она всегда считала её членом семьи.

– И наша есть, – Зинаида стала повторять за няней. – Мы тоже обслуга, – а потом, чуть подумав, добавила: – Нам солдат советской власти дал разрешение вчера.

– Хорошо, – подумав, сказал человек в тулупе. – Значит, четыре комнаты заняты, остальные будем распределять – я ведь всё-таки управсовкомдом.

Все женщины этого дома удивлённо посмотрели на него – такой аббревиатуры они не знали. А бабушка была маленькая и прыснула от смеха.

– Хорошо, мы бы хотели забрать свои личные вещи из комнат, – сказала мама.

Они долго говорили с няней. Мама сразу поняла, почему няня так сказала: чтоб сохранить за ними три комнаты. Оставили за собой папин кабинет, родительскую комнату и большую детскую. Стали переносить вещи в эти три комнаты и в Зинаидину комнату тоже. Мать дала дворнику Никодиму деньги, чтоб он пошёл в скобяную лавку и купил новые замки в комнаты.

Зинаида вдруг всплеснула руками:

– Барыня, а припасы?! Эти ироды, оглоеды всё унесут! Чем детей кормить будем?

И Зинаида, и Полюшка, и няня, и бабушка маленькая стали таскать всю еду, что у них была, и из кладовой, и из кухни, и из столовой в детскую комнату. Полюшка тащила столовое серебро и фарфор, скатерти и салфетки и всё причитала:

– Где кушать-то будем? Все вместе, что ли?

Квартира мигом наполнилась непонятым народом. Даже в большом парадном зале кто-то улёгся на бархатных диванах прямо в сапогах. Это уже была не их квартира, это был чело-вейник.

Так началась их общежитская жизнь в собственной квартире. Прошло три дня. Суматошных, страшных, в визгах и песнях посторонних людей. На кухне в уголке у Зинаиды висела икона и стояла лампадка. Кто-то сорвал икону и затоптал ногами. Когда Зинаида это увидела, то так стала орать, что на её истошный крик вышли все старые и новые жильцы квартиры. Зинаида в шесть утра готовила кашку для маленькой дочери хозяев и, увидев это кошунство, не смогла сдержать своего гнева.

– Это сатана сделал, не иначе. Сатана сам говорит, что насильно нельзя отучить людей верить в Бога, но можно погрузить их в мрак и тьму, и в суету сует.

Зинаида сидела на кухонном полу и причитала. Какая-то молодая парочка комсомольцев стояла над ней и смеялась. Полюшка и няня подняли кухарку с пола и отвели в комнату, мать дала ей успокоительных капель, так и пролежала Зинаида целый день в кровати.

Самое трудное – уметь ждать и при этом соблюдать спокойствие. Мама ждала, занималась с дочерьми французским языком и музыкой, няня им читала умные книги и занималась грамматикой. На пятый день мама не выдержала и решила пойти в департамент. Конец октября, снег ещё не выпал, но было не по-осеннему холодно, свистел ветер, завывал в трубах, крутил на улицах прохожих в разные стороны. Как няня ни отговаривала маму, она всё-таки пошла. Её не пустили в здание солдаты-караульные, там находился какойто комитет новой власти. Она хотела найти того комиссара в кожаном пальто, но не знала его имени. Долго простояв на улице, мама замёрзла и вернулась домой. На следующий день с утра она отправилась домой к сослуживцам мужа, к тем, кого она знала и с кем они дружили семьям и. У одних были заколочены входные двери, у других оставалась прислуга, которая узнала барыню и по секрету сказала, что они все удрали в Европу, эти проклятые эксплуататоры. Старая прислуга жила в одной из комнат квартиры друзей, работать уже не могла, но так как она была одинокая, хозяева её содержали и оставили у себя. И мама совсем не ожидала, что этот старый человек будет так пренебрежительно говорить о своих благодетелях. Доброта – это сознательный выбор каждого, и в каждый момент, и в каждой ситуации она должна быть разной. Доброта – это то, что может услышать глухой и увидеть слепой. За доброту эта старая женщина ответила своим благодетелям плохо скрытой ненавистью.

Мама пришла домой ни с чем, она не знала, что делать, закрылась у отца в кабинете и прорыдала весь день. Бабушка уже была взрослой девочкой и понимала, что мать не нашла отца. И она тоже ткнулась лицом в подушку и заплакала. Отец был для неё всем, он понимал её сущность, как и всё на свете. Няня не знала, что делать с ними, но понимала, что они так долго не протянут – запасы еды заканчивались, денег не было, необходимо было уезжать в Нижегородскую губернию к родителям барыни. Но та упёрлась, ни в какую не хотела уезжать без мужа или хотя бы без каких-либо сведений о его судьбе. Тогда няня решила сама предпри-

нять некоторые шаги. Она знала, что в их, теперь коммунальной, квартире живёт друг того самого солдата, который приходил с комиссаром и уводил отца. Поговорив с тем самым другом, она выяснила, где живёт солдат, и пошла к нему в надежде хоть что-то узнать об отце. Солдат вообще не владел информацией, но зато сказал фамилию комиссара и указал место, где он служит, даже не взял пачку галет и плитку бельгийского шоколада, которыми хотела его задобрить няня. Только пробубнил, что времена сейчас голодные и им самим пригодится. Няня была крайне удивлена таким поведением солдата. Люди ведут себя по-разному, порой неожиданно, и этот грубый солдафон показал свою лучшую сторону души. Может быть, Бог смилостивится над ним и простит ему грехи его неразумного поведения.

На следующий день мама отыскала комиссара. Он очень удивился, увидев её. На её вопрос о муже он долго смотрел на неё, после чего сказал, что его командировали на Закавказскую железную дорогу и он не скоро появится в Москве. Комиссар рекомендовал ей найти работу, чтоб не голодать, так как жалование её мужу никто платить не будет. Когда мама вернулась домой, она уже приняла решение: надо ехать к родителям – вместе легче перенести это смутное время. Она была уверена, что и муж туда приедет. Мама и няня стали спешно собираться. С собой решили взять самое необходимое, рассудили, что драгоценности лучше спрятать на себе и девочках – это был единственный их капитал. Зинаида им наготовила много еды на дорогу. Мама передала кухарке ключи от комнат и попросила дожидаться барина. Обе – и Зинаида, и Полюшка – горько плакали, когда прощались с девочками. Няня на них прикрикнула и сказала, что скоро приедут, долго это продолжаться не может. Мама надеялась только на начальника станции железной дороги: он хорошо знал папу, тот инспектировал его участок дороги и говорил, что он порядочный человек, и каждое лето, когда они ездили к родителям, им был предоставлен спецвагон. Только уповав на этого человека, они поехали на станцию. Там творилось что-то невероятное. Люди, солдаты, комиссары, нищие и бродяги пытались сесть в любой поезд, лишь бы уехать из Москвы. У мамы опустились руки. Но они всё равно пошли в здание вокзала искать начальника станции. Дети с няней остались у дверей кабинета ждать его, а мама металась по всей станции, пытаясь найти его, и нашла-таки. Он завёл всех к себе в кабинет, велел располагаться и ждать здесь, дал маме ключ, чтоб она закрылась изнутри и никого не пускала – боялся за них. Ушёл, пришёл, снова ушёл. Дети и поели, и поспали. Наконец он появился, махал руками, цокал языком, пыхтел как паровоз, всё сокрушался за отца. Потом объявил им, что ночью будет поезд, идущий до Томского округа, он их посадит в общий вагон, договорится с начальником поезда – тот его друг. В Нижнем они сойдут. Они должны сидеть тихо и не привлекать внимание пассажиров. Так он и сделал, и денег у мамы не взял. Мама потом долго вспоминала его добрым словом. Наконец они доехали до Нижнего Новгорода. Дети устали, капризничали, мама и няня утешали их, уговаривали потерпеть. Кое-как на перекладных они добрались до усадьбы маминих родителей.

Когда дети увидели дом своих родных, они стали усердно хлопать в ладоши и кричать от радости. Но, к их удивлению, им навстречу никто не вышел. Мама с няней так и остались стоять посреди двора в окружении детей и баулов. Они были потрясены зрелищем, которое увидели. Даже младшие дети замолчали от удивления. Прекрасный дом был разгромлен, разбит и разграблен. Мама не могла даже сделать шаг и подняться по когда-то величественной лестнице.

– Кто эти варвары? Что они сделали? Где родители? – всё это мама сказала вслух, обращаясь к няне.

Няня пошла к дому и уже стала подниматься, когда им навстречу из маленького домика, что стоял в саду, выбежали садовник и его жена, пожилые люди, которые всегда ухаживали за двором, и мама их помнила с детства.

– Барышня, барышня, – они до сих пор называли маму барышней, как юную девушку, – вы приехали? А ваши батюшка с матушкой не дождались, всё ждали-ждали и не дождались.

– Что это такое, Фёдор? – мать указала на дом. – Где родители? Пелагея, голубушка, что это ты плачешь?

– Ох, и горе у нас такое, барышня, нет ваших батюшки и матушки, – запричитала Пелагея.

– А где они? – до матери ещё толком ничего не доходило, а няня сразу всё поняла, всплеснула руками и заплакала, что-то бормоча себе под нос.

– Что ты там бормочешь? – цыкнула на неё мать. – Пелагея, ты можешь толком сказать, куда они уехали? К брату моему в Киев?

– Нет, барышня, – заговорил Фёдор, видя, как его жена растерялась, – они туточки, в усадьбе лежат.

– Заболели, что ли? Неужели этот грипп-испанка и сюда дошёл?

– Нет, барышня, не заболели, – неожиданно даже для самого себя сказал Фёдор. – В земле они лежат сырой, мы с женой их схоронили здесь.

Мама охнула, закрыла рукой рот, чтоб не закричать и не напугать детей. Пелагея взяла младших девочек за руку и повела за собой, за нею следом, медленно ступая, пошла няня. Бабушка же осталась со своей мамой, крепко держа её за руку. Фёдор рассказал страшную историю о том, что пришли большевики во все близлежащие деревни их уезда, стали устанавливать советскую власть, многие усадьбы были разгромлены, но их дом не трогали из-за деда – крестьяне за него вступились, так как он организовал учёбу их детям, вёл просветительскую работу, помогал с будущим образованием одарённым крестьянским ребятам. Он считал, что Россия будет сильна только своими умами, и всё время приводил в пример Михайло Ломоносова. И всё было бы хорошо, если бы вдруг не пришли «зелёные» (и такая партия была в то лихолетье). Эти зелёные – то ли анархисты, то ли либералы – себя по-разному именовали, но грабили, как настоящие бандиты. Горькая участь не миновала и их усадьбу. Дед принялся их главаря увещевать, и его просто застрелили. Когда, увидев это, тихая, интеллигентная бабушка бросилась на них с кулаками, её тоже застрелили. Потом стали грабить усадьбу, гонять прислугу, пожили несколько дней здесь, крушили всё подряд, выпили и съели всё, что можно было, и ускакали восвояси. Здесь же, в саду, и похоронили родителей мамы. Жизнь и смерть – это не то, чем мы можем управлять и манипулировать. Кому же там наверху понадобилось, чтобы так, по-зверски убили этих добрейших людей? Нам это неизвестно и не нам это решать.

Они пожили несколько дней в усадьбе, и мама приняла решение ехать в Киев к своему брату. Добирались мучительно долго, но добрались. Уже на дворе стояли лютые морозы. Когда они подошли в дому брата, мамино сердце сжалось от плохого предчувствия. Во всех окнах было темно, дом стоял как укор всем тем, кто пустил чужие жизни под откос. Мама долго звонила в колокольчик, трясла ворота, дети били ногами... наконец послышались шаги. Спасибо тебе, Господи, кто-то есть живой в доме. Им навстречу шёл дворецкий брата, по-прежнему подтянутый, несмотря на возраст. Он сразу узнал сестру своего хозяина.

– Барыня, проходите, как я рад вас видеть. А ваш брат ждал родителей, предупредил меня на всякий случай. А тут вы. Он думал, что вы из Москвы уехали или в Германию, или во Францию. Был уверен, так как вам телеграфировал.

– Мы ничего не получили? А где брат, семья? Дети где?

– Уехали в Ниццу, успели на последний пароход из Одессы. Я тут остался на хозяйстве и родителей ваших ждал. Он им тоже телеграфировал, ждал их.

– Ой, горе у нас, милый, – и мать дала волю слезам.

Няня хозяйничала на кухне, ведь всё здесь знала – они часто бывали в гостях у брата хозяйки. Накормив детей и уложив спать, они уселись на семейный совет, допустив и бабушку – она уже большая, всё-таки 13 лет. Пригласили и дворецкого, так как он преданный их семье человек и знал обстановку в Киеве. Дворецкий сообщил, что никого из сослуживцев и близких друзей её брата в городе не осталось, некоторые из них приходили домой и спрашивали его. Остаётся одно: или здесь остаться до весны и дожидаться, когда пойдут теплоходы из Одессы

до Марсея, или ехать в Москву. Тут влезла в разговор взрослых бабушка, хоть она и была маленькая, но росла довольно умненькой.

– Мама, а помнишь, как мы в Ниццу, во Францию, ехали в гости года два назад? Мы встретились с дядей в Варшаве, они из Киева приехали на поезде, а мы из Москвы.

– Да, доченька, помню. Какая ж ты у меня умная. Надо нам ехать отсюда в Варшаву. А оттуда – через Германию во Францию к брату. Господи, как ты надоумил моего брата там дом купить? А мой муж всё не хотел. «Зачем нам нужна недвижимость за границей? – всё говорил. – Я из России ни ногой». И спорили с братом всё.

– Они ж друзья были великие, барыня, – дворецкий улыбался, вспоминая споры этих умнейших людей, совести России, тех, кто сделала страну великой.

– А ходят сейчас поезда? – практичная няня прервала воспоминания дворецкого.

– Я даже не знаю, – дворецкий задумался. – Надо на вокзал пойти узнать.

– Царство Польское ещё пока в составе Российской империи, хотя и австро-венгры там сидят, – рассуждала вслух няня, – но ходят слухи, что они сегодня-завтра покинут Россию. Не хотят, не любят нас, хоть мы им столько сделали хорошего.

– А вы откуда так информированы? – мама с удивлением глянула на няню.

– А я в нашей квартире газету читала, что эти молодые революционеры приносили. Зинаида решила в неё селёдку завернуть, а я не разрешила – думаю: ещё заругают за свою газету, – вырвала у неё из рук и прочла.

– Может, и враньё там – что они, эти революционеры, писать могут? – дворецкий с недоверием посмотрел на няню.

– Тогда давайте так: может, и на этот раз нам повезёт. Начальник вокзала остался прежним, так он и брата, и мужа знает и помнит, и нам поможет. Завтра с утра пойду всё разузнаю.

– Я с вами, одну не отпущу, – решительно сказал дворецкий и отправился готовить ванну для барыни (как ни странно, но вода была).

На том и порешили. С утра мама с дворецким пойдут на вокзал, а няня останется с детьми.

Ночь спали плохо: в Киеве, как и в Москве, всю ночь стреляли, бегали, кричали, шумели. Странная, непонятная революция.

Дети ещё спали, когда мать с дворецким потопали на вокзал. Им просто сказочно повезло. Начальник узнал мать, расспросил её о муже и брате, об обстановке в Москве, а самое главное – он обещал им помочь. Пассажирские поезда на Варшаву стали ходить крайне редко, но на днях должны пустить товарняк с солдатами – в Польше неспокойно, – и туда поедут бойцы новой Красной Армии наводить порядок. Будет два прицепных пассажирских вагонов, в одном поедут новые красные командиры и комиссары, а в другом – пассажиры, и там он обещал сделать им места. Через два дня они уехали. Маме была важна географическая близость семьи. Это её психологическая поддержка, а из семьи у неё остался на этой земле только брат. Про мужа она уже всё понимала, но, боясь чего-то страшного, предпочитала не знать правду – так хоть где-то в глубине души теплилась надежда, что он жив и что комиссар не врал ей, хотя его стальной взгляд говорил о другом. В этих хлопотах и перипетиях судьбы она даже забыла, что беременна, она не чувствовала, как в ней растёт новая жизнь, и ребёнок сидел смирно у неё в животе, не мучил свою мать, как будто понимал, что маме сейчас не до него.

В Бресте стояли долго. Младшая сестрёнка капризничала, у неё начался жар. Мама хотела выйти и постараться найти фельдшера на станции или хотя бы в солдатских вагонах, чтоб осмотрели сестрёнку, но няня решила пойти сама, обещала обязательно вернуться с фельдшером. Её не было очень долго, сестрёнка всё плакала, мама как могла её утешала, очень боялась, что их могут высадить: решат, что у сестрёнки грипп-испанка, который тогда охватил всю Европу. Эпидемия была страшная, солдаты Первой мировой войны почувствовали это на себе. Об этом не афишировали, но Испания объявила об этом страшном гриппе, уни-

чтожающем всё вокруг, первой, потому и грипп назвали «испанкой». У всех эпидемий были три волны, которые растягивались на годы, в России началась вторая волна, в Европе – третья. Мама боялась самого страшного. А няня всё не шла. Мама молилась, чтоб поезд поскорее поехал – до Варшавы совсем недалеко, а там она найдёт врача. Бог услышал мамины молитвы, и поезд вдруг резко тронулся с места, моя маленькая бабушка вскочила с места, накинула свою шубку и побежала в тамбур, прыгнула с вагона и мчалась вдоль перрона, зовя свою любимую няню. Поезд набирал скорость, и она, моя маленькая бабушка Надя, только успела увидеть в грязном окне вагона мамино лицо со смертельным ужасом в глазах. Больше своих мать и сестёр она никогда не видела...

Когда няня появилась на перроне с каким-то мужчиной в белом халате, накинутом сверху на пальто, она чуть не лишилась рассудка – поезда не было. Фельдшер махнул рукой, развернулся и ушёл. Няня осталась стоять как изваяние: её семья уехала, а она осталась одна. Семья бабушки была для неё тоже семьёй, хоть они и не имели кровного родства. Но разве в любви имеет значение состав крови, главное – всеобъемлющая любовь няни к детям, большая и чистая, которую словами трудно передать, и никто ещё не смог это описать словами, только поступки людей могли доказать это. Когда няня увидела ребёнка, стоявшего на перроне и горько плачущего, она обомлела.

– Наденька, что ты здесь делаешь? Почему ты здесь?

– Я выбежала за вами, поезд тронулся и быстро поехал, – всё продолжала плакать девочка. – А они там, в поезде. Мы их потеряли.

– Не плачь, моя голубка, мы их догоним. Я уверена, что мама нас будет ждать в Варшаве.

И они на перекладных поехали в Брест. В Бресте им сообщили, что поезд с солдатами развернули назад, что Польша отделилась от России и границы временно закрыты. Последними через границу пропустили бывших граждан России, которые решили эмигрировать, и в этом им помог «Союз русской эмиграции». Няня моталась по всей польско-российской границе в надежде, что, быть может, мама с детьми где-то спряталась и их ждёт, но увы. Потом один российский пограничник смиростивился и сказал, что женщина с двумя детьми, один из которых серьёзно болен, перешла границу, так как ей нужен врач, а он только на польской стороне, и им помогала одна благородная дама из эмигрантов. Няня немного успокоилась и слёзно просила пропустить их в Польшу, но никто их не слушал: граница закрыта, а документов у них не было – все вещи и документы остались у матери. Тогда няня зашла в какой-то деревянный туалет (бабушка её охраняла) и достала из своих необъятных одеяний кольцо с громадным рубином и бриллиантами из маминого шикарного гарнитура. Няня проявила кипучую деятельность, нашла старшего пограничника, дала ему взятку в виде этого кольца и попросила пропустить без документов. Этот пограничник – бывший крестьянин, а ныне солдат Красной Армии, пламенный революционер – зло глянул на няню, отвёл в сторону, няня взяла девочку за руку и пошла с ним. Плата за услугу позволяет сохранить чувство собственного достоинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.